

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ МАТЕРИАЛЬНО-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

TRADITIONAL VALUES IN THE STRUCTURE OF MATERIAL TRANSFORMATION ACTIVITIES

A. Svidersky

Summary. The author analyzes the problems of the genesis of traditional values in the context of global threats to modern civilization. It is emphasized that traditional values are a condition for combating consumerism and the transformative egoism of modern culture, which generates the destruction of biospheric nature and its replacement by socio-technogenic reality. The issues of preservation and reproduction of traditional values are touched upon.

Keywords: axiology, material-transformative activity, traditional values, ecologization of culture.

Свидерский Александр Александрович

Старший преподаватель,
Брянский государственный аграрный университет
filos.as@yandex.ru

Аннотация. Автор анализирует проблематику генезиса традиционных ценностей в контексте глобальных угроз современной цивилизации. Подчеркивается, что традиционные ценности выступают условием борьбы с потребительством и преобразовательным эгоизмом современной культуры, которая порождает уничтожение биосферной природы и замену ее социально-техногенной реальностью. Затрагиваются вопросы сохранения и воспроизводства традиционных ценностей.

Ключевые слова: аксиология, материально-преобразовательная деятельность, традиционные ценности, экологизация культуры.

Наиболее важным механизмом передачи и хранения культурной программы деятельности является традиция. На наш взгляд, материально-преобразовательной деятельности свойственно тяготение к традиционности. В формальном смысле традиция выражает преемственность опыта поколений, сущностное проявление закона диалектического отрицания. В содержательном отношении традиция представляет собой стройную систему ценностей и норм, культивирующую стереотипное поведение индивида в определенных условиях. «Традиционные ценности, — отмечает Т.А. Рассадина, — это информационная основа социального наследования, которая обеспечивает воспроизведение структуры, принципов функционирования, процессов социализации в определенной общественной системе» [1, с. 283–284]. В этом отношении традиционные ценности выступают необходимым элементом целенаправленной социализации [2, с. 160]. Причем, устойчивость традиционных ценностей достигается за счет ценностного понимания самого акта трансляции ценностей [3], опирающегося на авторитете того, кто их транслирует. Обращения к авторитету предков, опора на устоявшиеся поведенческие каноны здесь вполне достаточно для регуляции поведения, которое не отклоняется от сложившихся стереотипов. Традиционная деятельность реализует парадигмы-образцы, природа которых, по мнению исполнителя, имеет легендарное, священное происхождение, подчеркнутое сакральностью опыта предков [4, с. 13–14]. Значимость деятельности здесь проявляется в том, насколько она соответствует некоему «прадействию».

Специфику традиционного сознания хорошо представил Мирча Элиаде, отметив, что «человек традиционных культур признавал себя реальным лишь в той мере, в какой он переставал быть самим собой (с точки зрения наблюдателя), довольствуясь имитацией и повторением действий кого-то другого» [5, с. 207]. Причем устойчивость этого типа деятельности часто не зависит от каких-либо внешних факторов и обстоятельств. отмечает, что традиции обретают известную независимость, подчиняясь не только логике исторического развития общественного бытия через отражение последнего, но и логике духовных отношений, обусловленной их спецификой.

Традиционная деятельность предполагает, что самостоятельность, индивидуальность субъекта как бы растворяется в массовизации действий, постоянном сравнении, обращении к практике другого. Тем не менее, не следует считать, что человек традиционных культур был полностью лишен возможности к творчеству. Бытие человека в культуре всегда требует свободы в выборе и создании ценностей, процесс трансляции и воспроизводства ценностей не является механически запрограммированным. Как отмечает В.С. Швырев, — «любая внутрипарадигмальная деятельность на основе освоения культурных норм восходит все-таки к творческому акту по созданию исходных установок культурной программы» [6, с. 110–111]. Специфика человеческого бытия заключаются также в том, что все устойчивые, традиционные модели деятельности предполагают генетическое порождение их в творческом акте.

Традиционный способ передачи и воспроизводства ценностей и норм материально-преобразовательной деятельности мог господствовать в социальных системах с доминантой коллективизма, самодовлеющей общинности, тотальности. Здесь традиция имеет универсальный масштаб для распространения. Так, общества с преимущественно аграрной экономикой, которая детерминирована сугубо естественными факторами труда, где велика зависимость от процессов и циклов природы, развивают, прежде всего, репродуктивную материально-преобразовательную деятельность и сохраняют ее вплоть до развитых форм буржуазной экономики, когда промышленные перевороты ознаменовали переход к иному типу обществ.

Традиция тесно связана со значимостью природного, естественного в жизни общества. Поэтому следование естественному, биосферным процессам, предполагающее приоритет адаптивных механизмов взаимодействия с природой, является здесь ведущей тенденцией. Креативная деятельность, освоение новых объектов, не только вызывало недоверие, тревогу, страх, но и нарушало имманентный контекст экзистенции деятеля. Традиция нуждается в материальном носителе, вещественном закреплении действия. Любой предмет, включенный в человеческую практику, здесь приобретает особые социокультурные свойства. В.А. Кутырев замечает, что «традицией можно называть область сохранения меняющихся характеристик любого предмета, когда он рассматривается как социокультурный феномен» [7, 182]. Поэтому для традиционной материально-преобразовательной деятельности характерно особое внимание к средствам деятельности, орудиям труда, бытовым предметам, которые приобретают надутилитарные или даже сакральные свойства. Эти предметы приобретают в традиционном культурном пространстве особую устойчивость, органичность и некоторую аскетичность, что делает минимальным разрыв между природным и искусственным.

Закрепление традиции предполагает и устойчивость внешних условий осуществления традиционной материально-преобразовательной деятельности. Традиции гибнут на чужой земле, в изменившихся природных условиях, в них происходят «мутации» при переносе из аграрных районов в техногенные. Передача традиции предполагает и передачу условий, уникальности, неизменности природных объектов, постоянства их форм, соотношений. Традиции предполагают адаптивное отношение к природе, как к привычной среде, в которой живет человек, вне которой он теряет свою собственную определенность, испытывает чувство безвозвратной утраты и потерянности, страдает [8, с. 162]. Такое отношение к природе, всегда интимное, глубоко личное, имеет и бессознательную природу, формируя особый эмоционально-чувственный контекст деятельности вза-

имодействия с естеством, когда прагматическое отношение к природе вытесняется любовью к ней.

Таким образом, традиция сохраняет, воспроизводит определенные устойчивые отношения общества и природы. Традиционные общества не только в течение длительного отрезка времени не меняли характер своего взаимодействия с природой, но и развивали аскетичную культуру, обуздывающую эгоизм и потребительство. Сегодня, в условиях глобализации, которая насаждает установки общества массового потребления и разрушая биосферную природу [9, с. 200], крайне важно сохранить элементы традиционной культуры и ценности.

Но и в традиционных обществах происходило утверждение нового, свои революции происходили в знаниях, технике, технологии. Перемены здесь не представляли значимой тенденции и зачастую оставались незамеченными современниками, новации табуировались культурой. Будучи реализованной изначально на индивидуальном уровне, новации постепенно принимаются социумом и приобретают социокультурную значимость, когда появляется их транслируемость. Таким образом, для формирования инновационной культуры необходимо формирование новых механизмов трансляции опыта, соответственно новой системы организации общества.

Новый тип культуры стал утверждаться в Западной Европе в эпоху Нового времени, когда общество в результате буржуазных революций пережило значительные структурные изменения. Созидание на основе научных новаций становится культурной парадигмой эпохи. Начало становления инновационной культуры ознаменовано лавинообразными процессами формирования и принятия новаций. Но по мере структурирования, налаживания функциональных связей в новой социальной системе инновационная деятельность ограничивается некими нормативными пределами. Необходимо говорить в этом случае о некоторой ограничительной роли традиции в инновационной культуре, которая охраняет систему от излишних новаций, которые могут привести к ее гибели. Следовательно, в любой социальной системе традиции играют гармонизирующую роль не только в аспекте взаимодействия общества и природы, но и стабилизируют саму социальную систему.

Борьба традиций и новаций закончилась в пользу последних во время промышленных революций, которые привели не только к известным экономическим результатам и изменению способа взаимодействия общества и природы, но и разрушили социальную базу традиции — аграрные сообщества, а начавшаяся урбанизация потребовала совершенно иных механизмов регуляции человеческой жизнедеятельности, коммуникации. Расширение мировых связей позволило использовать

не только собственные новации, но и инкорпорировать их, что еще больше усиливало инновационную деятельность.

Инновационная культура постоянно критически рефлексировала над своими основаниями, в том числе и естественными, которые она интенсивно эксплуатирует с целью включения в свой деятельностный оборот как можно больше природных вещей, процессов. Разрастание техносреды в индустриальную эпоху влечет за собой машинерию, техницизм всех сторон человеческой активности, который становится заложником техники, компонентом социально-технологического процесса [10, 11]. Инновационная культура производит новые образцы, способы, технологии деятельности, которые практически исключают необходимость ценностной регуляции, ценностно-созидательной деятельности субъекта. Собственно, теряется сам целевой компонент деятельности во имя средств, конкретной последовательности операций. Таким образом, вытеснение ценностно-целевой составляющей материально-преобразовательной деятельности приводит к усилению нормативных механизмов регуляции, в данном контексте, прежде всего технических норм, которые по мере развития проникают во все сферы общественной жизни.

Ролевая направленность механизмов ценностной и нормативной регуляции материально-преобразовательной деятельности в аспекте нарастания глобальной экологической проблемы указывает на необходимость активизации именно ценностной составляющей регулятивного комплекса. специфику социокультурной эволю-

ции в движении от внешнего принуждения и табуации к внутреннему принуждению, которое опирается на свободное самоутверждение личности.

В заключение можно сделать ряд выводов о роли и механизмах ценностно-нормативной регуляции материально-преобразовательной деятельности. Прежде всего, ценность, являясь, по сути, целью деятельности становится ее важнейшим мотивом, одновременно выступая ведущим регулятивным компонентом материально-преобразовательной деятельности. Так, борьба потребностей, представляющих актуальный, динамичный жизненный мир субъекта требует своего разрешения через ценность, представляющую устойчивый мир должного. Ценности и потребности взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга, их связь реализуется в целостной оценке. Поэтому в материально-преобразовательной деятельности может проявиться как ценностная, так и потребительская сторона, что обусловлено внутренней необходимостью, прочностью ценностных структур сознания.

Специфика ценностно-нормативных систем взаимодействия общества и природы в значительной степени зависит от способа передачи ценностей и норм, так, как детерминация культурой материально-преобразовательной деятельности достигается за счет трансляции социально-принятых ценностей. На этом основании можно говорить о двух исторических типах ценностно-нормативных систем взаимодействия общества и природы, соответствующих традиционному и инновационному обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рассадина, Т.А. Традиционные ценности в жизни общества / Т.А. Рассадина // Социально-гуманитарные знания. — 2004. — №3. — С. 283–284.
2. Свидерский, А.А. Проблема экологизации образования в условиях социально-техногенного развития мира / А.А. Свидерский // Проблемы современного антропосоциального познания. Том Выпуск 17. — Брянск: Брянский государственный технический университет, 2020. — С. 158–162.
3. Тимошук, А.С. Мировоззренческие основания традиционной культуры / А.С. Тимошук // Социально-гуманитарные знания. — 2004. — №3. — С. 303–314.
4. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. — СПб., 2000. — 308 с.
5. Мирча Элиаде. Космос и история. — М., 1987. — 312 с.
6. Швырев, В.С. О деятельностном подходе к истолкованию «феномена человека» / В.С. Швырев // Вопросы философии. — 2001. — №2. — С. 110–111.
7. Кутырев, В.А. Традиция и ничто / В.А. Кутырев // Философия и общество. — 1998. — №6. — С. 182.
8. Свидерский, А.А. Техногенная обусловленность ценностного мира личности: от традиционного общества к индустриальному / А.А. Свидерский // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2023. — № 5. — С. 160–164.
9. Дергачева, Е.А. Социально-техногенное уничтожение биосферной жизни и формирование стратегии социально-биосферного развития регионов России / Е.А. Дергачева // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2023. — Т. 16, № 5. — С. 195–203.
10. Шустов, А.Ф. Внутренние закономерности и социальные факторы развития технической деятельности / А.Ф. Шустов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. — 2022. — № 11. — С. 79–82.
11. Шустов, А.Ф. Социальная составляющая в структуре технической деятельности как возможность контролируемого ее развития / А.Ф. Шустов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. — 2021. — № 11. — С. 92–95.